

Внутри шатра Ли Янь, в точности следуя наставлениям Цуй Люя, намеренно затягивала процедуру, выжимая из каждого мгновения максимум мучительной боли. Она стремилась к тому, чтобы воспоминание об этой «беременности» выжглось в памяти почтенных господ каленым железом, а одно лишь упоминание о случившемся заставляло их волосы вставать дыбом.

Старые лисы раскусили её игру ещё в тот момент, когда Ли Янь принялась извлекать личинку у первого пострадавшего. Видя её нарочитую медлительность, они попытались воззвать к Цуй Люю, и тот, нацепив маску притворного сочувствия, даже подошел к ней, попросив быть поаккуратнее и закончить поскорее.

Девочка тут же приняла обиженный вид. Она подняла на ладони своего молодого гу-короля, измотанного целым днем трудов, и захлопала длинными ресницами, глядя на Цуй Люя. В её взгляде читалось ясное оправдание: она и сама рада бы покончить с этим поскорее, чтобы её сокровище могло отдохнуть, но бедный малыш слишком слаб. А после того, как он обработал сотни людей в городе, он и вовсе выбился из сил. Если заставлять его работать быстрее, он просто умрет от истощения.

Она была чиста душой, и её актерское мастерство явно уступало талантам собравшихся здесь интриганов. Её слова о слабости гу-короля выглядели шитыми белыми нитками, но вот то, что крохотное существо трудилось весь день без продыху, было чистой правдой. В итоге всем стало ясно: девочка намеренно мучает их, пользуясь случаем, но им оставалось лишь стиснуть зубы и терпеть. Каждый новый вопль, оглашавший шатер, был платой за их бывшее равнодушие, когда они спокойно взирали на попытку опорочить Ли Янь. После этой ночи всякий в округе должен был уяснить: эта сиротка — вовсе не та добыча, которую можно безнаказанно травить.

Цуй Люй же, помимо того что давал Ли Янь возможность самой постоять за свою честь, преследовал и другую цель: ему нужно было удержать этих людей в шатре, пока его собственные люди завершали подготовку к следующему шагу.

— Госпожа Ли, уважаемая, Ваша Честь! Умоляю, пощадите, сделайте всё разом! — раздался из-за полога голос Фэн Чэньэня, срывающийся от боли. — Серебро, товары — просите чего хотите, Фэн всё добудет, только прекратите эту пытку!

Остальные господа готовы были заткнуть уши, лишь бы не слышать этих причитаний, но, поскольку их собственная участь еще не была облегчена, они лишь испуганно жались в углу, слушая, как Фэн Чэньэнь вопит, точно резаная свинья.

Ли Янь посмотрела на приунывшего гу-короля, и её глаза на миг сверкнули. Под испуганным взглядом Фэн Чэньэня она едва заметно шевельнула губами:

— Его силы на исходе. Если ты согласен, дай ему несколько капель крови из самого сердца.

Стоит ему насытиться, и он вытянет плод одним рывком. Тогда ты больше не почувствуешь, как он терзает твою плоть. Это самый верный и быстрый способ покончить с мучениями разом, да и остальным господам тогда не придется так страдать... К тому же ты здесь самая молодой, пара капель крови тебе не повредит.

Фэн Чэнъэнь, чье лицо было покрыто градинами холодного пота, при упоминании крови из сердца мгновенно решил, что нынешняя боль вполне терпима. Он затряс головой с такой силой, что стал похож на китайскую игрушку-барабанчик:

— Нет-нет! Это я с виду молодой, а внутри весь гнилой, здоровье ни к черту! Кровь из сердца — это не шутки, так и жизни лишиться можно. Уж лучше медленно, госпожа Ли, Фэн еще потерпит.

Однако «терпеть» Фэна совершенно не устраивало его товарищей. Те немедленно обступили его, убеждая поступить по совести и принести эту малую жертву ради общего блага. Они наперебой обещали ему горы ценных лекарств и золота, лишь бы вознаградить за такое «величие духа».

Разгневанный Фэн Чэнъэнь, чьи губы окончательно побелели, разразился такой бранью, что и за час не повторился бы. Он называл их бесстыдниками, привыкшими щедро распоряжаться чужими жизнями, и это было самым мягким из его выражений. В пылу ссоры их хрупкий союз окончательно рассыпался: господа поспешно разошлись по разным углам шатра, гневно поглядывая на Фэна за его «эгоизм».

Они даже не заметили, что Цуй Люй уже довольно долго разговаривает с кем-то снаружи. Все их мысли были заняты тем, как бы заставить Фэн Чэнъэня подчиниться.

Би Хэн, приподняв край полога, удивленно причмокнул губами и шепнул Цуй Люю на ухо:

— А девчонка-то, похоже, вовсе не так проста, как кажется. Смотри, пара слов — и их «нерушимое братство» разлетелось в щепки.

Цуй Люй, наблюдая за Ли Янь сквозь щель, лишь покачал головой с легкой улыбкой:

— Она не притворяется. Она говорит чистую правду — ей действительно позарез нужна кровь из их сердец.

Когда она изображала медлительность, это было заметно с первого взгляда. Но когда она заговорила о крови, старые лисы ни на мгновение не усомнились в её искренности. В её глазах светилась такая истовая жажда, что стало ясно: кровь действительно необходима гу-королю для восстановления.

Цуй Люй принялся объяснять Би Хэну:

— Это сокровище требует невероятных условий содержания. Чтобы он жил и рос, раз в месяц ему нужно отдавать несколько капель крови из самого сердца хозяина. Ли Янь растила его больше десяти лет, а он едва увеличился в размерах. А теперь, после такой нагрузки, ему нужно в разы больше питания. Откуда у неё столько собственной крови? Если она отдаст всё ему, как она сама выживет? Так что чужая кровь для неё сейчас — лучший выход.

Впрочем, то, что это заодно спровоцировало раздор среди богачей, стало приятной неожиданностью.

Цуй Люй спросил:

— Лодка дошла? Подали сигнал с того берега?

Лицо Би Хэна озарилось радостью:

— Дошла! Только что отсигналили. Через полчаса генерал У из Баочуани лично поведет людей через реку. Как только они двинутся, мы вытащим якоря на середине реки и уберем сети, чтобы их стреловидные корабли прошли беспрепятственно.

Цуй Люй кивнул и подозвал Тао Сяоцзя:

— Иди проследи. Пусть ребята из банды речных перевозок работают тихо. Главное, чтобы береговые дозорные этих господ ничего не заподозрили.

Костры на берегу и ритуальные пляски на пристани объяснили просто: у причалов сменился хозяин, и теперь нужно задобрить речного бога.

Девять глав кланов, отправляясь на пир, конечно, опасались подвоха. Они не только взяли с собой личную охрану, но и оставили дозорных на берегу. Все грузовые суда стояли у причала, и на гладкой поверхности реки было видно даже пролетающую стрекозу. Стоило бы заметить хоть что-то необычное, и дозорные тут же протрубили бы в рог, поднимая тревогу.

Та маленькая лодка, что стрелой пролетела через реку раньше, проскользнула лишь благодаря густому дыму костров и всеобщему вниманию, прикованному к новому «ритуалу». Теперь же Цуй Люй рассчитывал на вопли и споры внутри шатра: пронзительные крики господ заставляли охранников и дозорных стягиваться ближе, желая узнать, что происходит, и тем самым оставляя реку без присмотра.

План сработал. С каждым новым воплем и выкриком из шатра стражники невольно подходили всё ближе к пологу. Улучив момент, Тао Сяоцзян взмахнул рукой. Заранее подготовленные люди из банды, сбросив одежду, точно рыбы скользнули в темную воду, не оставив на поверхности даже ряби.

Лишь тогда Би Хэн смог наконец вздохнуть с облегчением. Преисполненный благодарности, он низко поклонился Цуй Люю:

— Друг мой, Люй-цин, спасибо тебе. Без твоей помощи я бы вовек не переправил вести на тот берег. Какая же это удача — встретить тебя...

Цуй Люй подхватил его под руки, не давая поклониться:

— По совести говоря, переговоры о разделе морской прибыли должен вести кто-то присланный двором...

Би Хэн перебил его:

— Время не ждет, я это понимаю. Да и пришлют они кого-то — разве найдется человек, знающий это дело лучше тебя? Если потом в столице решат, что мы продешевили, пусть сами приезжают и передоговариваются. Мы сделали всё, что было в наших силах. И не бойся, что кто-то станет строить козни против тебя или меня. Мы чисты перед законом, а за нашими спинами — Его Величество и Великий император!

Он подмигнул и заговорщицки понизил голос:

— Великий император как-то сказал: эти вельможи соображают медленнее, чем выпускают ветры. Настанет день, и он разгонит их всех, заменив на талантливых юношей из простых семей, знающих нужды народа. Так что не бери в голову претензии этих господ. Когда Его Величество окончательно оперится, им всем не поздоровится.

В правительстве всё еще преобладали выходцы из знатных родов, чьи интересы сплелись в неразрывный клубок. Великий император понимал: одними казнями систему не сломать. Пока живы их традиции и устои, толку не будет. Поэтому в затяжной борьбе за власть был достигнут компромисс: доля ученых из простолюдинов среди первых трех лауреатов экзаменов была увеличена с ничтожных трех процентов до пятнадцати. А нынешний император и вовсе ввел правило стопроцентного назначения: если простолюдин выдержал экзамены, он гарантированно получал должность, минуя риск остаться вечным «кандидатом» без реальной власти.

Цуй Люй вспомнил, что читал об этом в исторических хрониках своего сна. Там это называли «планом окружения городов деревнями»: император постепенно заполнял мелкие посты людьми, не обязанными знати ничем, и со временем эти люди просачивались в высшие эшелоны власти. Когда через десятилетия ключевые ведомства — Шесть министерств и Три палаты — оказались в руках преданных трону служащих, прежние элиты, лишённые реальных рычагов управления, стали просто не нужны.

Так годы правления императора Сюаньхэ вошли в историю как начало заката великих кланов. Потребовалось почти семьдесят лет, чтобы древнее устройство государства было окончательно

разрушено и перевернуто.

Но сейчас всё это было лишь в зародыше. Старый порядок всё еще крепко держал империю в своих когтях. Хотя нынешний император и обладал правом принимать решения, и после первых кровавых чисток Великого императора дышать стало легче, у новой власти всё еще не хватало преданных и способных кадров. Северные земли, ставшие колыбелью династии, не могли дать достаточно талантов, а время, нужное для воспитания новых чиновников, несопоставимо с вековым опытом аристократии. К тому же знатные роды быстро поняли любовь двора к «простолюдинам»: теперь за каждым ученым мужем скромного происхождения, сдавшим экзамены, зачастую стоял богатый покровитель из великого клана. Великий император осознал это лишь спустя несколько лет правления. Гнев от того, что его обвели вокруг пальца, и усталость от борьбы с этой невидимой сетью интриг заставили его сменить тактику: он начал закладывать фундамент для роста истинно народной интеллигенции.

Стоя на берегу реки, пока стражники господ стягивались к шатру, Цуй Люй слушал рассуждения Би Хэна о политических раскладах и планах императоров. Под конец инспектор с глубоким чувством произнес:

— Великий император проявил поистине отеческую заботу, проложив для нас, выходцев из простых семей, ясный путь к вершинам. Теперь нам не нужно обивать пороги знати в поисках должности или жертвовать честью ради куска хлеба, примыкая к какому-нибудь вельможе. Понимаешь ли ты, Люй-цин? Он открыл для нас «зеленый коридор», где важны лишь знания. И за эту милость мы...

Би Хэн посмотрел на бурные воды реки, и голос его дрогнул:

— Мы готовы пойти за него в огонь и в воду. Мы исполним любой его указ без колебаний. Если завтра он велит нам голыми руками сражаться с врагом, мы сделаем это, не раздумывая. Наша верность — до самой смерти!

Цуй Люй молчал. Из-за вечной суеты, из-за удаленности своего края и собственного нежелания вникать в политику он мало что знал о делах новой династии. Даже о подвигах Великого императора, которые так воспевали на том берегу, он слышал лишь краем уха. Единственное, что он знал наверняка — Великий император был старше него всего на несколько лет.

Разница между ними была ошеломляющей. В одном возрасте один творил историю и создавал легенды, а другой не мог защитить даже собственную семью и стоял на пороге гибели рода.

Цуй Люй внезапно ощутил нестерпимую горечь. Он никогда не считал себя хуже других, но сейчас его накрыло волной сокрушительного поражения. Все его недавние успехи по спасению семьи показались ему ничтожными, точно тусклый свет светлячка перед лицом солнца.

Ему нужно стараться лучше. Намного лучше! Если Великий император смог возвыситься из

ямы для каторжников в пограничном городе, то он, имея предостережение из снов, просто обязан изменить судьбу клана. Иначе он — пустое место.

«Я не имею права быть слабым. Не имею!»

Внезапно Цуй Люй замер, его плечи напряглись, а голос стал прерывистым:

— Ты сказал... Великий император ненавидит великие кланы? И всеми силами стремится вернуть власть народу?

Би Хэн с гордостью кивнул:

— Именно так. Он говорит: управление делами народа невозможно без участия самого народа, иначе не будет ни справедливости, ни прозрачности. В глазах аристократии простых людей не существует, а значит, старый порядок должен быть уничтожен.

Цуй Люй лишился дара речи. Под пристальным взглядом Би Хэна он с трудом выдавил:

— Но мой род... Наш клан Цуй... Мы копили влияние поколениями, мы — одна из древнейших фамилий...

Би Хэн осекся, словно только сейчас осознал, с кем говорит:

— А?

И верно. Семья Цуй Люя... Они ведь значились в списках знатнейших родов, имея общие корни с кланом Цуй из Цинхэ. «Проклятье, — подумал Би Хэн, — совсем из головы вылетело!»

Инспектор в смятении заерзал, пытаясь исправить оплошность:

— Нет-нет, Люй-цин, ты совсем другой! Ты не из их породы... Я... — он с силой ударил себя в грудь, — я лично поручусь за тебя перед императорами! Уж я-то знаю, какой ты человек. Жизнью клянусь...

Цуй Люй смотрел на реку, а в его голове роились мысли. Кажется, он нащупал верную нить — способ потратить семейное богатство так, чтобы это не вызывало лишь головную боль.

Отдать пристань в дар, выслужиться перед властью, чтобы выкупить жизни потомков? Или просто пустить всё по ветру, чтобы таинственный враг потерял интерес к их пустой казне? Или... Цуй Люй почувствовал, что перед ним открывается иной, более короткий путь к получению «железной грамоты».

Он начал шептать что-то себе под нос, чем немало напугал Би Хэна:

— Да что ты заладил про эту грамоту? Нет их, Люй-цин, пойми — не выдают их больше.

Цуй Люй, возбужденно жестикулируя, принялся мерить шагами берег:

— Не мешай мне! Я не про железную грамоту говорю. Я про слово. Про личный указ о помиловании, понимаешь? Можно ли заслужить такую милость от Его Величества или Великого императора?

Би Хэн не выдержал. Он схватил Цуй Люя за плечи и заставил посмотреть себе в глаза:

— Люй-цин, скажи мне правду. Почему ты так отчаянно ищешь этой защиты? Кто из твоих родных совершил преступление? Неужели что-то непоправимое? Или это... — он осекся, не смея произнести слово «мятеж».

Цуй Люй, осознав, как выглядит со стороны, мгновенно остыл. Его губы дрогнули:

— Я не знаю. Ты мне не поверишь, Би Хэн, но недавно мне приснился сон. Во сне мой род пал жертвой интриг подлого человека. Нас обвинили в преступлении, всё имущество изъяли, а весь клан истребили до последнего человека. Би Хэн, я не могу просто сидеть и ждать. Это предупреждение свыше, поэтому я...

Взгляд Би Хэна сменился с тревожного на озадаченный, а затем и вовсе остекленел. Спустя мгновение он выдал:

— А? Сон?

«Ну вот, предсказуемая реакция», — подумал Цуй Люй.

Он высвободился из рук инспектора и со всей серьезностью произнес:

— Да, Би Хэн, я всё тебе рассказал. Верь или не верь, но я обязан добыть для своего рода указ о помиловании. Чтобы, если нас однажды оговорят, мой клан не прекратил свое существование. Би Хэн, брат мой, помоги мне.

Цуй Люй отвесил глубокий, торжественный поклон. Би Хэн в растерянности засуетился, пытаясь поднять его, топал ногами и потирал руки:

— Да что же ты... Как же это... Какую же заслугу нужно совершить, чтобы такое выкупить?

Он понизил голос:

— Помнишь, был на Севере генерал? Его заслуги перед тронем со времен войны были велики, но даже это не спасло его, когда он обесчестил девушку и обобрал народ. Его казнили прилюдно. Великий император прямо сказал: слова «безнаказанность» в его лексиконе нет. Нынешний император следует его стопами. Люй-цин, ты просишь о невозможном. Я бы и рад помочь, да не знаю как.

Он помолчал немного и добавил:

— К тому же, это всего лишь сон. Не принимай его так близко к сердцу. Давай лучше всё проверим. Если кто-то замышляет зло, всегда остаются следы. Присмотрись к своему окружению. Когда здесь всё уляжется и ты возьмешь Цзянчжоу в свои руки, потихоньку вычистишь всех подозрительных. Избавиться от угрозы самим куда проще, чем просить милости у трона. Поверь мне, ты человек мудрый и находчивый, ты найдешь выход. Не паникуй.

Цуй Люй замер, а затем высказал мысль, что только что вспыхнула в его сознании:

— Наш род Цуй занимает не последнее место в списках знати. Если... если я первым заявлю о преданности Его Величеству? Если я передам всё семейное достояние в казну и распущу частную гвардию, чтобы ослабить влияние кланов... Скажи, дарует ли мне император в награду тот самый указ о помиловании?

Глаза Би Хэна полезли на лоб. Он прошептал:

— Не знаю. Но знаю одно: другие великие кланы уничтожат тебя и твою семью раньше, чем ты успеешь договорить. Не дождешься ты никаких интриганов — тебя сотрут в порошок на следующий же день после того, как ты подашь такое прошение. Люй-цин, это путь к верной гибели.

Это были искренние слова друга. Цуй Люй потер лоб и медленно кивнул:

— Верно. Да, ты прав. Я просто... слишком увлекся этой мыслью, решил, что всё так просто. Я понимаю.

Ему на ум пришло выражение «раскулачивание». Та эпоха, когда ради смены классовой принадлежности жертвовали всем имуществом... Но этот опыт нельзя было перенести сюда напрямую. По крайней мере, не сейчас.

Цуй Люй направился обратно к шатру. Вопли внутри затихали — должно быть, Ли Янь заканчивала процедуру. Теперь ему предстояло вновь вступить в игру, чтобы лодки с того берега могли причалить незамеченными.

Би Хэн следовал за ним, хмурясь. В тот миг ему показалось, что Цуй Люй действительно на грани безумия — в его глазах блеснула пугающая решимость человека, готового на всё ради своей цели.

Сам же Цуй Люй обдумывал слова Би Хэна. Если у Великого императора действительно такие планы на дворянство, то почему он до сих пор не тронул Цзянчжоу? Он ведь уже однажды разрушил здесь старый порядок. Почему он позволил зародиться новому? Почему?

Цуй Люй замедлил шаг и обернулся, глядя на Баочуань на другом берегу.

«Откармливает свиней перед убоем?»

Или он просто опасается, что, если прибрать этот лакомый кусок к рукам сейчас, его тут же приберут к рукам влиятельные столичные кланы, превратив Цзянчжоу в очередную вотчину, неподвластную закону?

И не разрушают ли они сейчас своими действиями тонкий план Великого императора?

Цуй Люй помрачнел. Его не покидало чувство, что они ввязались в очень опасную игру.

Но размышлять об этом было некогда. Из шатра вышла Ли Янь, и стражники, толпившиеся снаружи, тут же ринулись внутрь к своим господам, желая проверить их состояние после таких страшных воплей.

Взгляд Цуй Люя стал жестким. Он коротко скомандовал людям, затаившимся в тени:

— Снять часовых! Окружить шатер!

<http://bllate.org/book/16118/1588800>